

Красавец обнял его, крепко и с грустью, умоляя:

— Не бросай меня.

Его «муж» крепко обнял его в ответ, давая чувство безопасности. В ту ночь Улэйжо держал его в объятиях, пока они спали. Красавец прижался к нему, пальцы в страхе цеплялись за одну из его косичек, боясь, что тот сбежит тайком. Улэйжо чувствовал, как от дерганий немеет кожа головы, но не смел пошевелиться, позволив ему делать, что тот хочет.

На следующий день, когда взошло солнце, Улэйжо пошевелил затекшим телом и разбудил Красавца. Они быстро собрались и снова подошли к воловьей повозке. Мощный як был обглодан стаей волков до костей, верхняя часть туши была съедена, а нижняя — затянута в снег и засыпана. Улэйжо, глядя на кровавые следы на земле, быстро собрал вещи.

Красавец, увидев всюду кровь, начал задыхаться от тошноты. Улэйжо усадил его под ель, подложив меховую подстилку, и вложил ему в руку кинжал. Красавец с любопытством разглядывал кинжал — он был изящным, острым, с двумя вставленными драгоценными камнями, который Улэйжо использовал много лет.

Улэйжо разрубил повозку на части, сделав из нескольких хороших досок простые сани. Он уложил на них лучшие меха, забрал все золотые слитки и мелкие серебряные монеты. Красавец настаивал на том, чтобы взять тяжелый глиняный горшок, так как ему нужно было умываться.

Улэйжо с недовольным видом поставил горшок на сани и сам потащил их, используя плечо. Красавец нес маленький железный котелок, шаг за шагом следуя за ним.

Когда они вышли на более ровный снег, Красавец сел на сани, наблюдая, как его «муж» тащит его, словно упрямый бык.

Они шли три дня, прежде чем добрались до рынка. Улэйжо был измотан: его «жена» была слишком тяжелой, он тащил двоих, включая его горшок, что вызывало в нём сильное раздражение. Но Красавец был счастлив, наслаждаясь пейзажами Усуны — лугами, горами, деревьями и снегом. Самое главное, его «муж» не бросил его и продолжал обнимать по ночам.

На рынке Улэйжо обменял немного золота на двух сильных яков и купил новую повозку. Два яка тянули повозку, что делало путь более устойчивым. Красавец с тоской смотрел на маленькую гостиницу на рынке, не желая идти дальше.

Улэйжо не собирался ему потакать, купив ещё лекарства и специи, чтобы прикинуться торговцем. Когда Улэйжо уже собирался уезжать, Красавец обнял его и начал капризничать:

— Чаган...

Его голос был таким мягким, что Улэйжо замер. Красавец прижался лицом к его шее, умоляя:

— Чаган, давай переночуем здесь, скоро стемнеет.

Солнце уже клонилось к закату, а его «муж» совсем не проявлял заботы, снова заставляя его спать на улице, хотя у него было столько золота. Какой скряга!

В конце концов Улэйжо согласился остановиться в гостинице. Красавец был слишком назойливым: он уже выехал за пределы рынка, но тот дёрнул его за косичку, угрожая не

отпускать, если они не остановятся. Улэйжо чувствовал, что не может с ним справиться. Они уже потеряли много времени, и он хотел как можно скорее вернуться к хунну, в царский двор, чтобы избавиться от этой надоедливой обузы. Он больше не хотел отправлять его в Хулунь, к могиле своего отца. Пусть Иэрдань сделает это. Он не хотел больше иметь с ним дела, его сердце было в смятении.

Красавец с радостью поселился в гостинице, выбрав лучший номер. В гостинице был большой бассейн, где многие мужчины могли мыться вместе, а за стеной женщины могли мыться отдельно. Красавец не собирался идти в такое место, он дал хозяину немного серебра, чтобы ему принесли ведро воды прямо в комнату.

Улэйжо сидел в переполненном бассейне, слушая грубые шутки вокруг, чувствуя раздражение и досаду. Он не задержался надолго, помылся и вернулся, иначе его «жена» снова начал бы беспокоиться и бояться. Красавец дождался возвращения Улэйжо, чтобы помыться. Он с радостью рассматривал новую одежду и сапоги, которые Улэйжо купил ему, решив вечером хорошо вознаградить своего «мужа».

Комната в гостинице была небольшой. Улэйжо сидел на кровати, не решаясь смотреть на Красавца в ванне. Тот с недовольством мылся: его муж совсем не проявлял к нему интереса, даже когда он был голым. Он хотел, чтобы муж помог ему вытереть спину, но, судя по его выражению лица, тот, вероятно, снова накричал бы на него.

Закончив мыться, Красавец, с трудом двигаясь из-за большого живота, попросил Улэйжо помочь ему выйти. Улэйжо, покраснев, подошёл, упорно глядя в пол, и увидел перед собой бледные, мокрые ступни. Красавец вышел из ванны и начал вытираться, не стесняясь Улэйжо, прямо перед ним использовал сухое полотенце, чтобы высушить тело. Улэйжо смотрел на его полное, округлое тело, не в силах оторвать взгляд от его белого подбородка, стройной спины и мокрых волос.

Вытеревшись, Красавец надел чистую хлопковую одежду и, увидев, что «муж» всё ещё смотрит на него, смущённо и радостно сказал:

— Чаган, помоги мне высушить волосы.

Улэйжо механически вытер ему волосы, наблюдая, как тот с любовью наносит на лицо ароматическую мазь, купленную на рынке. Его кожа была прекрасной — белой и гладкой, хотя, возможно, немного потемнела от солнца из-за всех лишений, но в целом он всё ещё был красив, с большими яркими глазами, которые светились, как полумесяцы, когда он улыбался.

— Уцина, — вдруг произнёс Улэйжо.

Красавец с удивлением повернул голову. Улэйжо слегка сжал губы и снова сказал:

— Уцина.

Прекрасная луна.

Вечером Красавец попросил «мужа» обнять его перед сном. Улэйжо напряжённо обнял его, и Красавец снова потянулся к его промежности, желая угодить ему. Улэйжо крепко схватил его руку, тяжело дыша:

— Отпусти.

Красавец обиделся: его «муж» явно возбудился, почему же он не хочет его? Улэйжо продолжал держать его руку, не позволяя двигаться. Красавец разозлился, начал пинать его животом, беспорядочно целовал его губами. Улэйжо был в ярости, хотел оттолкнуть его и спрыгнуть с кровати, но боялся, что тот заплачет, и тогда посреди ночи начнёт жаловаться на боль в животе, требуя найти врача.

Улэйжо позволил ему целовать себя, чувствуя, как его мягкие губы касаются его рта. Мужчина открыл глаза, глядя на его чистое, невинное лицо в темноте, внезапно перевернул его и прижал к кровати, глубоко поцеловав, пока тот не успокоился. Затем он облизал его слюну с губ и ласково сказал:

— Спи.

Улэйжо думал, что на этом всё закончится, но его «жена» среди ночи разбушевался, разделся и обнял его.

Красавец был с большим животом, и Улэйжо не смел ничего с ним делать. Видя, как тот извивается голым рядом с ним, он покрылся холодным потом. Он не знал, что делать. Как его «муж», он должен был утешить его, сделать что-то близкое, но он был человеком его отца, матерью его брата, и сейчас он был беременен ребёнком Ханьского императора. Он никак не мог на это пойти. Улэйжо закрыл глаза, притворяясь спящим, и не смел встать с кровати, иначе Красавец мог бы устроить сцену всю ночь.

Красавец, видя, что его «муж» совсем не понимает, глубоко сомневался, как они вообще зачали ребёнка. В его воспоминаниях муж очень любил такие дела, и его действия были особенно грубыми. Красавец был и зол, и смущён: он уже разделся и обнял его, а тот вёл себя как деревяшка. Но его тело было слишком развратным, внутри уже было мокро, и он схватил руку Улэйжо, мягко потянув её к своей промежности. Улэйжо, коснувшись того места, чуть не подпрыгнул от шока, но Красавец крепко держал его руку, прижимаясь животом, сжал его руку между бёдер и застонал:

— Чаган... Чаган...

Улэйжо был в панике, его тело дрожало. Красавец крепко обнял его, прижимая животом его руку, и Улэйжо не смел вырвать её, боясь причинить ему вред. Красавец закрыл глаза, наслаждаясь тем, как его нежное тело трётся о его пальцы, слегка раздвинул ноги, захватив всю ладонь, и начал торопливо тереться. Рука Улэйжо была жёсткой, как кулак, и Красавец терся промежностью о его костяшки, с наслаждением стоная:

— Ах... ах...

Улэйжо больше не мог терпеть, слушая его мягкие стоны, чувствуя жар его промежности. Он разжал кулак и начал грубо трогать его. Красавец открыл глаза, смотрел на него сквозь слёзы, сжал ноги и извивался, стоная:

— Чаган... Ммм...

[Авторские примечания отсутствуют]